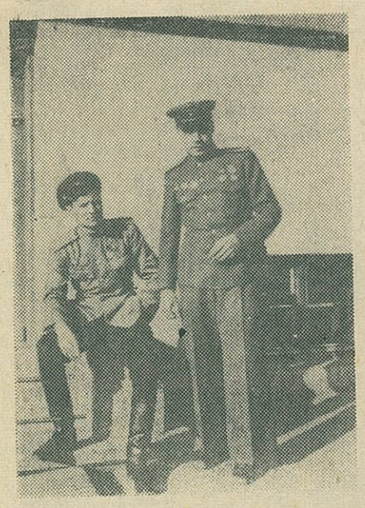
О чем болит сердце



Н. КОЛЕСНИКОВ. Документальная повесть

«...Ясско-Кишиневская операция по окружению немецких войск — одна из самых крупных и выдающихся по своему стратегическому и военно-политическому значению операций в нынешней войне».

Газета «Правда», 1944, 13 сентября.

Эти воспоминания ветеран войны, ветеран завода, много лет отработавший сталеваром, Николай Александрович Колесников начал писать к сороковой годовщине освобождения Румынии от фашистских захватчиков. Небольшие разрозненные заметки стали документальной повестью, которую мы начинаем сегодня печатать.

— Названия населенных пунктов, наименования частей я указываю так, как они звучали в те годы, — говорит ветеран.—Вдруг, да откликнется кто-нибудь из участников тех событий.

Письма ветерану можно присылать в адрес редакции.

На снимке: Н. А. Колесников (слева).

1. Прорыв

В то время, в августе сорок четвертого, я был заместителем 1310 стрелкового полка по артиллерии 19 Воронежской стрелковой дивизии (впоследствии Дунайской Краснознаменной). Стояли мы во втором эшелоне нашей армии, на левом берегу Днестра, километрах в 40 от Тирасполя.

Еще при весеннем наступлении в апреле-мае 1944 г. нашими войсками было захвачено несколько плацдармов на правом берегу Днестра и, когда мы перешли к обороне, два из них оказались на участке нашей армии. Один — в районе крепости Бендеры и другой около Тирасполя. Сейчас числа уже точно не помню, но это было в середине августа. Да, в середине августа: плоды на фруктовых деревьях уже созрели. И виноград тоже. В один из этих дней меня вызывает командующий артиллерией нашей дивизии подполковник Гринюшин и отдает приказ: собрать всю полковую артиллерию, в том числе и восьмидесятидвухмиллиметровые батальонные минометные роты, поступить в распоряжение командующего артиллерии нашей армии генерал-майора Брейдо.

Уяснив все необходимое: когда, куда и по какой дороге двигаться, я вернулся к себе и вызвал всех командиров рот и батарей. Командир нашего полка, подполковник Вергасов и командиры батальонов знали уже, что я со всей полковой артиллерией должен поступить в распоряжение армии и догадывались, что предстоит в скором времени грандиозное сражение, но где и когда об этом еще никто не знал, конечно, кроме высшего командования.

Обсудив все с командирами рот и батарей, что нужно брать с собой, а мне было сказано: побольше мин и снарядов, да на двое-трое суток провизии и фуража. В то время 45-миллиметровые и 76-миллиметровые орудия были на конной тяге, а минометы мы возили в повозках.

Выступили с наступлением темноты. Подойдя к грейдеру, поняли, что хорошая дорога не про нас. Не втиснуться в стремительный поток танков и тяжелой артиллерии на механической тяге. Здесь же шли груженые автомашины. Нам, артиллерии на конной тяге, пришлось идти по проселку. Проделав за ночь сорокакилометровый марш, мы на рассвете вошли в лесок километрах в трех от Тирасполя, куда мне и было приказано. Войск, и в особенности танков, артиллерии повсюду было столько сосредоточено, что трудно вообразить, но было это все скрыто, замаскировано. Отыскав со своим ординарцем, сержантом Акопяном, а попросту — Гришей, штаб артиллерии армии, я доложил генералу Брейдо о прибытии.

— Сколько стволов? Сколько снарядов на один ствол? — сухо спросил генерал.

— 36 стволов и на каждый ствол по 70 снарядов.

— Маловато. Ну, ничего, командир полка, которому вы будете переданы, вас обеспечит.

Подошел какой-то полковник, полистав бумаги, сказал мне:

— Идите в распоряжение подполковника Бочко, — и назвал номер стрелкового полка, указал на карте его КП.

— Да смотрите, пусть люди отдохнут. И не маячить мне на передовой! Задачу поставит Бочко.

Ночью безо всякого шума заняли огневые позиции и окопались. Это оказалось легче, чем отыскать КП полка.

Категорически было запрещено показываться на передовой и передвигаться по траншеям. Но все же, часа через два мы с Гришей были у цели. Располагался командный пункт метрах в трехстах от передовой. Войдя в блиндаж, который был сравнительно просторным, я увидел группу офицеров, в основном танкистов и артиллеристов. Не зная кому из них докладывать, поднял руку к фуражке и доложил сразу всем.

От телефонного аппарата встал человек и направился ко мне. Я опешил. Думаю, да не может быть. Он подошел ко мне и стиснул меня в объятиях.

Так мы простояли какое-то время, окружающие притихли и с глубоким вниманием смотрели на нас, думая, по-видимому, что встретились отец с сыном или братья (подполковнику было 40 лет, мне — 24).

— Товарищи офицеры! — напрягая голос сказал он, — это мой бывший командир, старший лейтенант... Да, ты уже капитан! Под началом которого, я начал воевать в Великой Отечественной войне.

Многие недоумевали. Но об этом отдельный сказ.

Отдав распоряжение своему начальнику штаба, он, я и его комиссар прошли в другую небольшую часть блиндажа, где, видимо, они отдыхали.

— Слушай, Колесников, комиссар, Иван Сысоич, жив, здоров?

— Да, здоров, он там же, во втором батальоне. Ну, а у вас как? — настал черед моих вопросов.

— Когда форсировали Северный Донец, мы были на первом плоту. А ты по-моему, на третьем. Когда переплыли и выкатили орудие на берег, метров на пятьдесят, левым колесом наскочили на пехотную мину. Ну, который был у левого колеса, так его здорово покалечило, а мне ногу, да ребра. Остальные — ничего, целехонькие. Сестренка, Вера, забинтовала меня, да и оттащила к берегу. А как она? — встрепенулся он.

— Здесь с батареей, — успокоил я.

— Так вот, потом всех раненых переправили, и я попал в госпиталь. Там меня подремонтировали и само собой — в запасной полк. Дня через три после прибытия, вызывают меня в штаб полка. Прихожу. Смотрю, сидит командир полка, комиссар и какой-то полковник. Полковник встает, подходит ко мне и поздравляет. «Поздравляю, — говорит он, — товарищ Бочко! Вы реабилитированы, вот вам погоны подполковника и назначаетесь в такую-то дивизию, в такой-то полк: командиром полка». Дал указание, чтоб меня тут же переодели, а на другие сутки я был на месте.

Уже наверное с полгода как я командую этим полком. В обороне стоим с полмесяца, место паршивое — глубоко не закопаешься. Ты сам увидишь. А как там ваш двухметровый сынок — Клюев?

— Здесь, с батареей, вся грудь в орденах, да и порядок в батарее, — ответил я.

— Помнишь, майор, — обратился подполковник к своему комиссару, — все время внимательно слушавшему наш разговор, — я рассказывал тебе легенду о двух отцах двухметрового ребенка, так вот это — один из отцов.

Майор, с такой теплотой посмотрел на меня и говорит:

— Да, мне хотелось бы посмотреть и второго родителя, и сыночка вашего заодно.

— Слушай, а как это звали твоего ординарца, ну который ходил вместе с Клюевым в разведку? Колей, кажется, его звали... он где? — спросил подполковник.

При этом вопросе сердце у меня сжалось, тяжело было вспоминать, но я рассказал:

— При выполнении одной операции под Харьковом его разорвало, так не могли даже найти что-нибудь, чтобы похоронить. Он меня собой закрыл. Понимаешь.

Посмотрев на меня, подполковник опустил голову:

— Да! Сколько было и еще будет беспримерных подвигов и жертв, пока кончится эта проклятая война. — И безо всякого перехода продолжил.—А конец ее уже недалек. Я рад, капитан, нашей встрече, рад, что ты жив и здоров. Сейчас я тебя познакомлю с моим начальником артиллерии, он тебе все расскажет и покажет, где занять огневые позиции, но только осторожнее, а то и артналеты бывают, и минометы побрасывают, да и снайперы шалят. Ну, а с ребятами постараюсь как-нибудь увидеться, может не сейчас, так потом. Видишь, сколько мне придали частей. Главный прорыв будет по всей вероятности здесь. Так как и маршал Толбухин и командующий артиллерией генерал-полковник Неделин тоже здесь.

Определив с начальником артиллерии полка, что где поставить, мы с Гришей отправились к своим, а нужно было пройти километра четыре под постоянным обстрелом. От неимоверного напряжения сил и нервов настолько измотались, что, добравшись до места, свалились под деревом и уснули.

Когда я проснулся, солнце шло уже к закату. Вокруг меня собирались командиры рот и батарей, рядом сидели старшина Клюев и сестра Вера.

Первое, что я сказал, было:

— А знаете, кто командует полком, в распоряжение которого мы поступили?

Продолжение следует.

...ки ходили, выдавая неистовое на...яжение. Да глаза горели огнем, ...к тогда, на Северном Донце, когда ...тели его забрать от комиссара Вик...рчика в роту разведки. Я и сейчас, ...гпоминая тот день, пытаюсь ответить ...л его вопрос, взвесив все «за» и ...против», но никак не могу заставить ...ебя отказать.

...—Ну что ж, Семен Трофимович, раз...вариваешь ты по-немецки прекрасно. ...горе твое — мое горе. Я ведь боль...ше твоего знаю Викторчика. Так что ...ызывай желающего померяться с то...ой силой.

Когда он своим густым басом на ...истом немецком языке изложил суть ...ела, многие немцы, в особенности ...тоявшие офицеры удивились этому. ...Немало удивляла и его могучая фигура.

Время шло, но желающих не было. Клюев обратился к офицерам и ...генералам, сказал им что-то. От них ...тделился один и стал кричать:

— Вилли! Во ист Вилли?

— Это я понял без переводчика: ...де Вилли? Но отчего среди высшего ...фицерского состава гитлеровцев та...ое замешательство? Я посмотрел на ...уревича и прочел на его лице такое ...ке замешательство.

— Что им сказал старшина?

— Он сказал им, что если сейчас же ...не отыщется доброволец, то ему раз...решено руками передушить всех офи...церов и генералов.

— Скажите им, что такого разреше...ния этот солдат не имеет. Что вообще ...советские солдаты никогда не дойдут ...до той низости, чтобы расправляться ...с безоружным врагом.

Гуревич не успел перевести мои ...слова. Навстречу Клюеву уже шел, про...бираясь между сидящих, тот самый ...Вилли, которого так неистово звал ...офицер. Он был чуть ниже Клюева, но ...немного упитаннее. Покатые плечи, ...бычья шея и мощный торс выдавали в ...нем борца. К тому же, он был моло...же нашего старшины лет на десять.

Клюев снял гимнастерку, а немец—...френч.

...унтера в штаб. Ведь по телефону-то уже ...доложили.

— Извините, товарищ майор, но я из этой батареи уйти не могу. Вот мои родители — комбат и комиссар. Не поручись они за меня, может, трибунал уже определил мою судьбу. А так я, считайте, заново народился. А сыны должны беречь своих родителей, так же, как родители берегли их в младенчестве.

Нет, не вышел у них разговор. Не хотели они понимать друг друга, а к обеду Клюева вызвали в штаб дивизии.

Вернулся он оттуда старшиной. Да еще и с орденом Красной Звезды. Это была его первая награда. А через несколько дней мы узнали, какой разговор имел Клюев с комдивом. После всех поздравлений и распросов генерал сказал:

— А теперь, старшина Клюев, принимайте роту разведчиков.

— Товарищ, генерал, разрешите отказаться от предложения!

—Это не предложение, старшина, это приказ!

— Тогда вот, — Клюев достал трофейный пистолет, который дал ему перед вылазкой начальник разведки. — В нем один патрон. Он для меня. За невыполнение приказа, я знаю, в военное время полагается расстрел. Расстреляйте меня, товарищ генерал, но не забирайте от моих родителей...

Вот так мы с комиссаром и обрели сына-богатыря. А о том, какие события ждали нас впереди, вы уже знаете.

За редактора
О. Н. НОВИКОВА.

В военизированную охрану завода требуются стрелки (мужчины и женщины, трудоспособные пенсионеры). Все работающие обеспечиваются постовой одеждой и бесплатным форменным обмундированием.
Средний заработок — 136 рублей.

Детскому саду № 40 на постоянную работу требуются няни, повар, сторож-дворник.
Обращаться: ул. Тракторная, 78.

Газета выходит по вторникам, четвергам и субботам

НАШ АДРЕС И ТЕЛЕФОНЫ: 658201 г. Рубцовск, ул. Комсомольская, 106.
ТЕЛЕФОНЫ: редактора — 20-85, ответственного секретаря — 28-25, корреспондентов и фотокорреспондента — 30-12, 34-43, редактора радиопрограммы — 30-36.

АГ — 15030 Типография АТЗ Зак. 349 Тираж 4 030 экз.